

СТРОСОН, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И СОГЛАСОВАННОСТЬ

В статье я развиваю теорию моральной ответственности Питера Стросона. Я пытаюсь показать, что ее можно избавить от сентиментализма и сохранить при этом то, что делает ее привлекательной для метафизических дискуссий о свободе воли. Основной моей стратегией является переосмысление понятия «согласованность» и наделение оснований тем же статусом, каким у Стросона обладают эмоции.

Ключевые слова: свобода воли, моральные эмоции, моральная ответственность, согласованность.

Взгляды Питера Стросона на феномен моральной ответственности, изложенные им в работе *Свобода и обида* [1], открыли новую главу в дебатах как метафизиков, так и моральных философов [2]. Их убедительность отчасти связана с тем, что абстракцию «ответственности» Стросон смог укоренить в знакомых нам всем переживаниях — в моральных эмоциях, таких как обида, негодование или стыд. Однако подобный сентиментализм может стать поводом для серьезных вопросов. Действительно ли указаний на эмоции достаточно, чтобы понять то, как устроен феномен моральной ответственности? Это легко поставить под сомнение. Стросон и сам должен признавать, что эмоции как таковые не могут обосновывать уместность возложения ответственности. Например, тот факт, что я на кого-то злюсь, еще не означает, что на этого человека было бы уместно возлагать ответственность. Именно поэтому Стросон вынужден говорить о том, что уместность возложения ответственности зависит не от простого факта наличия моральных эмоций, а от *уместности* их наличия. И коль скоро это так, мы могли спросить: действительно ли нормативная сила, делающая возложение ответственности уместным, происходит из самих моральных эмоций, а не из того, что делает их уместным? Кажется, что утвердительный ответ тут был бы неприемлем. А значит, стросонианец обязан прояснить отношения между соответствующей моральной эмоцией и её уместностью. Следуя буквальным толкованиям работы Стросона, он может это сделать лишь отрицательным образом: эмоция уместна, если нет обстоятельств, которые делали бы ее неуместной. Но такая разработка понятий выглядит неполной. Поэтому мы могли бы видоизменить теорию Стросона, пытаясь снять эти и аналогичные им вопросы. Важно, однако, чтобы мы при этом не потеряли то, что делает теорию Стросона привлекательной.

Основная мотивация принять взгляды Стросона на ответственность состоит в том, что они позволяют примирить оптимистов и пессимистов в отношении свободы воли при истинности детерминизма. Ниже я кратко реконструирую, как Стросон описывает подобное примирение, а потом покажу, как тех же результатов мы могли бы добиться без укоренения ответственности в эмоциях. При этом меня

не будет интересовать вопрос о том, насколько в целом успешно взгляды Стросона и мое собственное предложение решают проблему свободы воли и детерминизма, я лишь хочу добиться таких же результатов, что и Стросон, однако иным путем. Это позволит мне продемонстрировать, что и в прагматическом, и в теоретическом отношении позиция Стросона по вопросам фундирования уместности возложения ответственности в уместности эмоций не является незаменимой.

Стросон начинает с того, что рассматривает спор пессимистов и оптимистов как последовательность доводов. Оптимист говорит, что моральная ответственность — это общественная практика, которая существует по причине своей эффективности. И эффективность подобной практики не противоречит детерминизму. Пессимист возражает. Он считает, что речь идет именно о *моральной* ответственности, которая подразумевает справедливое наказание, а справедливым образом можно наказывать только *свободных* агентов. С этим оптимист согласен, правда, для него свобода — это отсутствие принуждения. Очевидно, что детерминизм нас не принуждает, а значит, он совместим со свободой. Но пессимисту такой отрицательной свободы недостаточно. Ему требуется, чтобы в наше определение свободы входила способность поступать именно по своей собственной воле (либо что-то аналогичное), поскольку, если детерминизм истинен, наши поступки определяются, в итоге, законами природы и начальным состоянием Вселенной. Оптимист отвечает, что чаще всего люди поступают, руководствуясь собственными, хорошо известными им основаниями. Из детерминизма вовсе не следует, что никто никогда ничего не делает намеренно, исходя из собственных ценностей или желаний. Поэтому при детерминизме положительная свобода также сохраняется. Однако, как считает Стросон, пессимист в такой ситуации может сделать сильный ход. Он может спросить: в силу чего свобода (в понимании оптимиста) является уместным обоснованием *моральных* практик? Ведь ясно, что эффективность моральных практик в общественной жизни не является подходящим для морали видом обоснования. В ответ оптимист, говорит Стросон, мог бы сослаться на интуицию согласованности (*intuition of*

fittingness), он же этого делать не будет. К этому таинственному рассуждению я вскоре вернусь.

Итак, пессимист считает, что, хотя свобода оптимиста действительно не противоречит детерминизму, она сама по себе не может быть основанием для практик моральной ответственности. По этой причине он полагает, что нам необходимо выйти за пределы опыта и постулировать особую способность свободы воли (например, начинать новые причинные ряды или нечто подобное), которая служила бы правильным основанием для моральной ответственности, а стало быть, если есть моральная ответственность, детерминизм должен быть ложен. Оптимист фундирует моральную ответственность в эффективности, что кажется Стросону неприемлемым, пессимист же фундирует ее в трансцендентном, и это как минимум весьма неэкономное и эмпирически бессмысленное допущение, которое к тому же очень непросо ясно сформулировать. Оба этих подхода неверны. Моральная ответственность — это система межличностных отношений, которая существует как факт, и в качестве такового не нуждается во внешнем рационалистическом основании. Но тогда что это за отношения? По мнению Стросона, такие отношения фундированы нашими реактивными установками вроде обиды, ненависти, благодарности или восхищения. И это — не некие неясные сущности за пределами фактов, они такая же данность, как и все наблюдаемое, что признают существующим обе спорящие стороны. Лакуна в обосновании моральной ответственности заполняется самой моральной ответственностью, только правильно понятой. Поэтому ответ оптимиста-стросонианца на вопрос пессимиста будет таким: правильным видом обоснования для практик моральной ответственности являются они сами. Очевидно, что истинность детерминизма не влечет исчезновения эмоций. Следовательно, детерминизм совместим с моральной ответственностью и свободой.

Вернемся ненадолго к опции, которую Стросон называет «интуицией согласованности». В этой части его текст довольно скуп на подробности. Помимо того, что я уже сказал выше, стоит добавить, что данная опция открыта и для пессимиста. Он может прибегнуть к ней в ответ на вопрос о том, каким образом пессимист заполняет провал между существованием трансцендентной свободы (либо какого-то ее аналога) и моральными последствиями в каждой конкретной ситуации. Иными словами, как наличие трансцендентной свободы обосновывает моральную ответственность? И в самом деле, это понятно нам не более чем то, как эффективность обосновывает моральную ответственность. Почему *метафизический* факт, что у агента есть некоторая предельная свобода, обосновывает *моральный* факт, что он несет ответственность? По мнению Стросона, пессимист в ответ может сослаться на согласованность. Впрочем, это была бы лишь «жалкая интеллектуалистская бижутерия, которую философы нацепляют как амулет против признания своей собственной человечности» [1, с. 220]. Но что же такое интуиция согласованности?

Стросон, по всей видимости, заимствует данный термин у Патрика Новелла-Смита, который определял интуицию согласованности как отношение, предположительно имеющее место между свободными (voluntary) действиями и моральной ответственностью. И хотя в наши дни слово «интуиция» используется философами довольно свободно,

здесь имеется в виду вполне конкретное этическое учение — интуитивизм, согласно которому такая согласованность дана нам непосредственно [3].

Теперь мы можем вернуться к взглядам Стросона, чтобы дополнить некоторые мысли, которые в *Свободе и obige* были им пропущены. Когда пессимист спрашивает оптимиста, является ли эффективность правильным фундаментом ответственности, оптимист, понимая, что должен дать отрицательный ответ, может сказать, что определенные свободные моральные факторы просто согласуются с некоторыми моральными последствиями. И мы знаем это непосредственно. Аналогичным образом пессимист в ответ на вопрос о связи трансцендентной свободы с ответственностью, может сказать, что определенная ответственность просто согласуется с определенными свободными моральными факторами. И мы знаем это непосредственно. Как таковой, тезис о согласованности — оружие, доступное обеим сторонам. Если они его принимают, дискуссия возвращается к своему началу, к спорам о том, какая именно свобода нам нужна. Так как согласованность есть отношение между *свободными* действиями (и шире — *свободными* моральными факторами) и ответственностью, нам необходимо понять, что значит для действия быть свободным и есть ли свободные действия, если верен детерминизм. Поэтому стратегия Стросона по примирению сторон проваливается, и тема ответственности не получает нового освещения¹.

Признавая эlegantность и оригинальность рассуждений Стросона, я, тем не менее, не могу себя убедить в том, что тезис о самообоснованности моральных практик является неуязвимым перед вопросом, который Стросон считает опасным для взглядов как оптимиста (эффективность обосновывает моральные практики), так и пессимиста (трансцендентная свобода обосновывает моральные практики). Стросон под «моральными практиками» понимает естественные отношения между людьми и то, что люди испытывают по поводу друг друга и самих себя. Все это является естественными фактами. И какой бы набор естественных фактов нам бы ни был предъявлен в этом контексте, мы всегда можем обоснованно задать вопрос: действительно ли это является правильным видом обоснования моральной ответственности? Я признаю, что эмоции, фундирующие у Стросона наши моральные практики, намного ближе расположены к области обоснования моральной ответственности, чем эффективность классического оптимиста-утилитариста или нечто трансцендентное. Последнее лежит за границей обычного понимания, а первое действительно кажется неуместным в вопросе обоснования именно моральной ответственности. Суждение «Я осуждаю его, потому что нельзя допустить таких поступков в будущем, нужно подать пример» — это суждение, которое выражает манипулятивное отношение к людям. Это суждение из области управления, а не области морали. Суждение «Я осуждаю его, потому что его слова задевают мои чувства» — кажется, действительно ближе к морали. Разумеется, можно пытаться это оспорить, но я сейчас стараюсь держаться линии рассуждений Стросона. Важно то, что мы можем поставить вопрос «В силу чего задетые чувства наделяют практики моральным статусом?», подобно тому, как мы ставим вопрос «В силу чего эффективность или трансцендентная свобода способны (предположительно) делать то же самое?». Это показывает, что между эмоциями

и моральными практиками также есть некоторый зазор. Вряд ли Стросон стал бы говорить, что тезис «Моральные практики обосновывают моральные практики» есть своего рода тавтология, словно бы речь шла о фразе «Если есть моральные практики, то есть моральные практики»? Полагаю, Стросон не стал бы этого делать. Но тогда, как именно его предложение заполняет лауну в рассуждениях оптимиста?

Я думаю, что ход с согласованностью, который может, но не совершает оптимист у Стросона, следует рассмотреть иначе. Необходимо уточнить реляты отношения согласованности и тот способ, которым мы открываем данное отношение в каждом конкретном случае. Вместо того, чтобы искать согласованность между действиями и ответственностью, нужно постулировать согласованность между обоснованием моральной ответственности и вменением моральной ответственности. Классический оптимист, например, может утверждать, что эффективность моральных практик согласуется с вменением моральной ответственности, а его критики могут с этим не соглашаться. Пессимист тоже может требовать признания того, что трансцендентная свобода согласуется с вменением моральной ответственности, в то время как его критики могут отказываться понимать, что он имеет в виду. И при этом я вовсе не хочу сказать, что пессимист и оптимист претендуют на интуитивное «видение» подобной согласованности. Скорее, это результат размышлений над опытом и связями понятий, которыми мы данный опыт описываем. И в этом смысле каждое конкретное утверждение о согласованности открыто для критики.

Но как тогда сохранить примирительный пафос Стросона? Я думаю, мы можем достичь этого, если скажем, что правильным видом обоснования моральных практик являются моральные основания². Этот ответ является аналитическим по причине того, что моральные практики в этом случае получают моральное обоснование в силу моральных оснований. Однако он не является тривиальным. Он идет вразрез со стросонианским пониманием роли эмоций в вопросах моральной ответственности. Стросон полагает, что некоторые эмоции сами по себе являются актами возложения ответственности. Мой тезис противоположен. Эмоции — это просто факты среди фактов; они получают моральное измерение благодаря основаниям, которые мы используем в своих рассуждениях. Но моральные основания сами по себе не являются просто фактами среди фактов. Они по определению являются чем-то моральным и в этом смысле аналитически обосновывают наши моральные практики. Для такой стратегии вопрос о том, является ли нечто правильным основанием моральных практик, не будет опасным: моральные основания в силу своего морального статуса являются правильным обоснованием моральных феноменов.

Вот приблизительный эскиз рассуждения, из которого ясно, какую роль основания играют в рассуждении о моральной ответственности. Когда мы сталкиваемся с ситуацией, в которой нужно решить, несет ли агент моральную ответственность за тот или иной моральный фактор, мы должны дать ответ на три вопроса: (1) является ли этот агент моральным агентом; (2) присущ ли ему этот моральный фактор; (3) каково моральное значение этого морального фактора? Если мы установили, что в данном случае нет дефектов моральной способ-

ности или случайности, мы имеем дело с моральным агентом и мы знаем, что именно этот агент совершил обсуждаемое действие, то остается только выяснить, каков моральный статус таких действий в принципе. Для этого мы ссылаемся на моральные основания, вроде следующих: в общем и целом, причинять вред невинным плохо; в общем и целом, помогать слабым хорошо; в общем и целом, необходимо противостоять злу. Используя эти основания, мы можем обосновать суждения «Этот фактор хороший» или «Этот фактор дурной», которые оказывают существенное влияние на то, какую в итоге оценку мы дадим агенту: заслуживает ли он порицания или похвалы. Совокупность подобных оценок и их последствий Стросон и считает моральной жизнью.

Рассмотрим пример. Максим задел Андрея неосторожным словом. Андрей обижен. Андрей может осудить Максима за его поведение, если нет никаких извиняющих Максима обстоятельств. Осуждение обосновано моральным основанием, которое можно сформулировать следующим образом: в общем и целом, задевать чувства других людей плохо. Андрей может считать, что такие основания согласуются именно с осуждением, потому что к этому убеждению его привело размышление над опытом моральной жизни. Какую роль в этом рассуждении играют эмоции? Я думаю, что они могут выступать в качестве элементов, которые включены в основание. Вполне допустимо сказать, что нечто является плохим, потому что оно провоцирует обиду. Однако обоснование этим не завершается, ведь существует возможность, что обида систематически неуместна. Также мы можем ссылаться на эмоции, когда осуждаем, действительно ли такие-то и такие-то основания согласуются с такими-то и такими-то моральными практиками. Мы можем говорить, например, что моральное основание «в общем и целом, демонстрировать ненавязчивое дружелюбие к незнакомцам хорошо» согласуется с моральной практикой выражения благодарности в том числе в силу того, что в обычном случае выражение благодарности в ответ на ненавязчивое дружелюбие приводит к приятным эмоциям. Мы также можем использовать эмоции как средства осуждения и похвалы, но помнить при этом, что свой моральный статус они черпают в связанных с ними основаниях.

Может ли мой оптимист конкурировать с оптимистом-стросонианцем? Я считаю, что да. Мой оптимист принимает во внимание важность эмоций, о которой говорит Стросон. Оптимист-стросонианец же вынужден иметь дело с вопросом о том, могут ли эмоции сами по себе быть моральными феноменами. Может ли мой оптимист в споре о свободе получить то же, что и оптимист-стросонианец? Мне кажется, вполне. На вопрос пессимиста о правильном обосновании мой оптимист дает аналитический ответ, который не порождает лауны в обосновании. Если уместные эмоции совместимы с детерминизмом, то почему моральные основания должны быть с ним не совместимы? Полагаю, что истинность детерминизма делает утверждения «Причинять боль плохо» или «Помогать друзьям хорошо» бессмысленными не больше, чем утверждения «Моя обида уместна» или «Твой гнев справедлив». А значит, основные достижения Стросона в споре о свободе могут быть достигнуты без фундирования феномена моральной ответственности в мире наших эмоций. Если мои рассуждения верны, мы вполне можем рассчитывать на то, что фе-

номен моральной ответственности намного более рационален, чем это обычно представляется оптимистам-стросонианцам.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-10044, <https://rscf.ru/project/21-78-10044/>.

Примечания

¹ Кроме того, Стросон не согласен с интуитивизмом [4].

² Более подробно о метафизике оснований см. работы Томаса Скэнлона [5].

Библиографический список

1. Стросон П. Свобода и обида // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 204–221. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-204-221.

2. Логинов Е. В., Гаврилов М. В., Мерцалов А. В., Юнусов А. Т. Прологомены к моральной ответственности // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 3–100. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-3-100.

3. Nowell-Smith P. H. Free Will and Moral Responsibility // Mind. 1948. Vol. 57, № 225. P. 45–61. DOI: 10.1093/mind/LVII.225.45.

4. Strawson P. F. Ethical Intuitionism // Philosophy. 1949. Vol. 24, № 88. P. 23–33. DOI: 10.1017/S0031819100006756.

5. Scanlon T. Being Realistic about Reasons. New York: Oxford University Press, 2014. 132 p.

ЛОГИНОВ Евгений Владимирович, кандидат философских наук, научный сотрудник кафедры истории зарубежной философии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва; редактор Московского центра исследования сознания, г. Москва.

SPIN-код: 6683-8423

AuthorID (РИНЦ): 803934

ORCID: 0000-0001-9883-1854

ResearcherID: E-2553-2018

AuthorID (SCOPUS): 57192318363

Адрес для переписки: loginovlosmar@gmail.com

Для цитирования

Логинов Е. В. Стросон, ответственность и согласованность // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 3. С. 64–68. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-3-64-68.

Статья поступила в редакцию 11.06.2022 г.

© Е. В. Логинов

STRAWSON, RESPONSIBILITY, AND FITTINGNESS

In this article I am developing Peter Strawson's theory of moral responsibility. I am trying to show that it can be freed from sentimentalism and at the same time preserve what makes it attractive for metaphysical discussions about free will. The basis of my strategy is to rethink the concept of fittingness and give reasons the status that emotions have in Strawson's view.

Keywords: freedom, moral emotion, moral responsibility, fittingness.

Acknowledgements

This work is supported by the Russian Science Foundation under grant 21-78-10044, <https://rscf.ru/project/21-78-10044/>.

References

1. Strawson P. F. Svoboda i obida [Freedom and Resentment] // Finikovyy Kompot [Date Palm Compote]. 2020. No. 15. P. 204–221. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-204-221. (In Russ.).
2. Loginov E. V., Gavrilov M. V., Mertsalov A. V., Iunusov A. T. Prolegomeny k moral'noy otvetstvennosti [Prolegomena to Moral Responsibility] // Finikovyy Kompot [Date Palm Compote]. 2020. No. 15. P. 3–100. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-3-100. (In Russ.).
3. Nowell-Smith P. H. Free Will and Moral Responsibility // Mind. 1948. Vol. 57, no. 225. P. 45–61. DOI: 10.1093/mind/LVII.225.45. (In Engl.).
4. Strawson P. F. Ethical Intuitionism // Philosophy. 1949. Vol. 24, no. 88. P. 23–33. DOI: 10.1017/S0031819100006756. (In Engl.).
5. Scanlon T. Being Realistic about Reasons. New York: Oxford University Press, 2014. 132 p. (In Engl.).

LOGINOV Evgeny Vladimirovich, Candidate of Philosophical Sciences, Researcher of History of World Philosophy Department, M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow; Editor, Moscow Center for Consciousness Studies, Moscow.

SPIN-code: 6683-8423

AuthorID (RSCI): 803934

ORCID: 0000-0001-9883-1854

ResearcherID: E-2553-2018

AuthorID (SCOPUS): 57192318363

Correspondence address: loginovlosmar@gmail.com

For citations

Loginov E. V. Strawson, Responsibility, and Fittingness // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2022. Vol. 7, no. 3. P. 64–68. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-3-64-68.

Received June 11, 2022.

© E. V. Loginov